острые углы у своей теоріи подъ вліяніемъ изученія развивающейся дѣйствительности.

Здѣсь не мѣшаетъ кстати упомянуть объ одномъ сопредѣльномъ вопросѣ, тѣсно связанномъ съ только что затронутымъ кругомъ идей. Точно ли цифровыя данныя ясно свидѣтельствуютъ объ углубленіи пропасти между имущими и неимущими, о фатальномъ пожираніи промежуточныхъ экономическихъ группъ самимъ процессомъ капиталистической «діалектики»? Придется сказать, что и по этому пункту изученіе статистическаго матеріала даетъ нерѣдко неопредѣленные, во всякомъ случаѣ недостаточно яркіе выводы въ смыслѣ, благопріятномъ теоріи «экспропріаціи экспропріаторовъ», а потому позволяетъ и здѣсь значительное расхожденіе въ оцѣнкѣ данныхъ. Бернштейнъ не безъ нѣкотораго удовольствія указываетъ, напр., на тотъ фактъ, что статистика доходовъ въ различныхъ странахъ, не исключая и Англіи, отмѣчаетъ скорѣе возрастаніе, чѣмъ уменьшеніе среднихъ и низшихъ категорій имущества. Фактъ этотъ былъ, впрочемъ, уже довольно давно указанъ буржуазными экономистами, которые пытались при помощи его опровергнуть общую тенденцію самоуничтоженія капитализма, столь рельефно подчеркиваемую Марксомъ. Уже въ половинѣ 80-хъ годовъ завязался, напр., на страницахъ покойной «Truth» интересный споръ между соціалистомъ Бельфортомъ Баксомъ и извѣстнымъ радикаломъ Брэдло на тему, показываютъ ли данныя послѣднихъ англійскихъ переписей (Census) дальнѣйшую концентрацію капиталовъ, констатированную Марксомъ въ «Капиталѣ» для болѣе раннихъ переписей. И этотъ диспутъ окончился скорѣе въ пользу Брэдло, который, путемъ сравненія переписей 1871 г. и 1881 г., пришелъ къ заключенію не о концентраціи, а объ измельчаніи капиталовъ, тогда какъ его противникъ возражалъ не столько противъ цифръ, выдвинутыхъ Брэдло, сколько противъ излишней вѣры въ статистику вообще, а современную въ особенности. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы анархисты уже не разъ стремились доказать, что именно англійскіе статистическіе матеріалы свидѣтельствуютъ объ

увеличеніи среднихъ и мелкихъ доходовъ; и что такимъ образомъ цифры говорятъ о возрастаніи числа паразитовъ, висящихъ на шеѣ рабочаго народа, а отнюдь не о взаимномъ поѣданіи капиталистовъ и все большемъ и большемъ суженіи кадра эксплуататоровъ. Теперь мы знаемъ, что и многіе марксисты начинаютъ считаться съ этими цифрами, но лишь даютъ имъ иное освѣщеніе и пытаются устранить противорѣчіе между этими числовыми выводами и «имманентными законами» капиталистическаго развитія. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь болѣе детальное изслѣдованіе показало, что дѣло происходитъ далеко не такъ просто, какъ то выходило по формулѣ, а потому и здѣсь «кризисъ» оказалъ свое дѣйствіе на первоначальное ученіе.

Наконецъ, нельзя не остановиться и на судьбѣ такого крупнаго элемента въ марксизмѣ, какова теорія стоимости и происхожденія прибавочной стоимости. Было бы излишне доказывать, какую громадную роль въ ученіи Маркса играетъ его опредѣленіе и обоснованіе стоимости. И друзья и враги его согласны, что въ стоимости заключается краеугольный камень доктрины, связанной съ именемъ автора «Капитала». Съ другой стороны, именно въ этомъ пунктѣ ученіе Маркса вызывало наибольшее одобреніе въ лагерѣ соціалистовъ, многіе изъ которыхъ, даже и не раздѣляя соціологическихъ и историко-философскихъ взглядовъ творца экономическаго матеріализма, безусловно принимали теорію стоимости и прибавочной стоимости, развитую въ «Критикѣ Политической Экономіи» и «Капиталѣ». И что же? Въ настоящее время поколеблено значеніе и этого основного пункта. Не будемъ уже говорить о людяхъ въ родѣ Бернштейна, которые слѣдуютъ давно высказаннымъ критикамъ буржуазныхъ ученыхъ и пытаются «дополнить» и «исправить» теорію Маркса соединеніемъ какъ разъ тѣхъ элементовъ, которые авторъ строго различалъ и на раздѣленіи которыхъ онъ даже и построилъ все свое ученіе, а именно, потребительной стоимости и мѣновой стоимости. Мы знаемъ, что въ лагерѣ этихъ критиковъ теперь какъ разъ дѣлаются попытки сочетать марксовскій принципъ стоимости, какъ воплощеніе труда, съ оцѣноч-